

Ден пролетел незаметно, и вот уже настала понедельник — на завтра им предстояло отправиться на съёмочную площадку шоу.

Будучи человеком с личным помощником, Цинь Унянь, разумеется, не собирал чемоданы сам, поэтому пока Сун Чэн занимался сборами, он просто стоял рядом, скрестив руки на груди.

Сун Чэн положил внутрь кошелёк.

— Восемь лет в шоу-бизнесе, — произнёс Цинь Унянь, — а я ещё не видел ни одного шоу, где гостям разрешалось бы приносить собственные кошельки.

Сун Чэн молча вытащил кошелёк, а взамен уложил туда свой комплект сменной одежды.

— Давно хотел спросить, — не унимался Цинь Унянь, — эта твоя одежда случайно не из той же эпохи, что и тот мобильный телефон? У этого кошелька на штанинах даже ткань вытерлась добела. Попроси Сяо Чжао купить тебе пару новых костюмов, умоляю тебя.

Сун Чэн: «.....»

Затаив дыхание, Сун Чэн вытащил и одежду. Изначально он планировал следующим пунктом положить туалетные принадлежности, но, подняв их, замер. Поразмыслив секунду, он не стал сразу класть их в чемодан, а мрачно поднял глаза:

— Это-то мне хоть можно взять?

Цинь Унянь бросил на него взгляд:

— Можно, но смысла нет. Мои вещи лучше, будешь пользоваться тем же, что и я.

Сун Чэн: «.....»

Цинь Унянь держал в руках палочки для еды и слегка опустил взгляд:

— У меня с утра аппетита нет.

Съёмки шоу начинались в девять, но Сяо Чжао приехал уже в половине седьмого, притащив с собой два огромных чемодана на колёсиках. Сун Чэн, как всегда, встал ни свет ни заря и приготовил себе миску лапши по-сучжоуски. К тому моменту, как он закончил трапезу, Цинь Унянь только-только спустился вниз.

Сун Чэн считал свой режим дня исключительно здоровым: подъём в шесть, завтрак в семь.

Однако в дни, когда не было запланированных расписанием дел, Цинь Унянь неизменно волочил ноги и появлялся внизу не раньше восьми. Сун Чэн просто не мог столько ждать, впрочем, даже если бы мог он сам, его желудок выдержать был не в силах.

Он просто сдался.

Цинь Унянь: «.....»

У Сун Чэня тоже были мышцы, правда, тонким рельефным слоем, а пресс выглядел и вовсе плачевно — всего четыре кубика, ровно в два раза меньше, чем у Цинь Уняня. Глядя на Цинь Уняня, Сун Чэн начинал испытывать зависть, ревность и жгучую злость, а заодно и самые вольные фантазии.

Цинь Унянь: «.....»

С этими словами он вытаращил глаза:

— Ты что, ради фигуры всё время сидишь на диете, а потом доигрался до анорексии?!

Плотно сжав губы, Сун Чэн пару секунд буравил Цинь Уняня взглядом, а затем единым махом запихнул в чемодан кошелек, одежду и туалетные принадлежности. С громким стуком он захлопнул крышку и принялся яростно щелкать кодовыми замками. Завершив процедуру, он отряхнул руки, на которых даже не было пыли, и с безмятежным видом уставился на Цинь Уняня.

— Дело не в том, что я ем мало, а в том, что ты жрёшь как не в себя, — парировал Цинь Унянь.

Услышав это, Сун Чэн невольно опустил взгляд ниже. Даже под самой обыкновенной свободной футболкой угадывались очертания мускулистого, полного мощи и силы тела. Сообразив, к чему всё идет, Сун Чэн слегка кашлянул и вернул разговор в прежнее русло:

— Никакой анорексии у меня нет, почему ты-то ешь так мало?

И как Цинь Унянь это делает: что бы он ни сказал — комплимент или гадость, — звучало это всегда одинаково равнодушно.

Сун Чэн: «.....Ты и в обед, и вечером говоришь ровно то же самое».

Когда он только приехал сюда, Сун Чэн, пытаясь увеличить время общения с Цинь Унянем, всегда готовил еду на двоих и ждал, пока они поедят вместе. К сожалению, его хватило всего на три дня, после чего он навсегда отбросил эту затею.

Заметив, что взгляд Сун Чэня куда-то ускользает, Цинь Унянь отложил палочки и приподнял бровь.

Вытерев рот, он приподнял веки:

— Посмотри на мою фигуру. Разве человеку с таким телосложением нужно худеть?

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Прошло с полминуты, прежде чем Цинь Унянь произнёс:

— Я пойду посплю.

К счастью, даже если они не ели вместе, времени на общение меньше не становилось, ведь Сун Чэн мог просто сидеть напротив и смотреть, как тот трапезничает.

С некоторым подозрением он посмотрел на Цинь Уняня:

— У тебя случайно не анорексия?

Сяо Чжао тем временем проверял в гостиной, не забыли ли они чего-нибудь. Заметив, что Цинь Унянь стал есть заметно медленнее, Сун Чэн не удержался от комментария:

— Ты ведь и правда ешь катастрофически мало.

Сун Чэн с этим категорически был не согласен:

— Да не то чтобы я много ем, просто у меня обмен веществ быстрее, чем у обычных людей.

Цинь Унянь никак на это не отреагировал, а вот Сун Чэн, договорив, на мгновение выпал из реальности.

Он потерял память, но забыл лишь конкретные эпизоды из прошлого, тогда как общие знания и детали повседневной жизни остались при нём. Иногда у него вырывались фразы, сказанные на чистом подсознании. Сун Чэн пытался по этим подсознательным отголоскам сложить воедино картину своего прошлого, но, увы, зацепок было слишком мало. Возможно, со временем станет лучше.

Время поджимало, и они вместе вышли из дома. Стоило им устроиться в машине, как Цинь Унянь принялся напоминать Сун Чэню о правилах поведения во время съёмок:

— Оказавшись перед камерой, всегда помни о необходимости контролировать выражение лица.

Малейшая твоя оплошность — и зрители тут же вцепятся мертвой хваткой, будут мусолить твой косяк снова и снова.

Куда я — туда и ты. Если иное не оговорено режиссёром, неотступно следуй за мной. Не вздумай вестись на чьи-то сладкие речи и бежать следом. Это шоу о расставаниях, а не кооперативное выживание, так что поосторожнее — тебя могут использовать в чужих интересах.

Пытается кто-то перетянуть внимание на себя — пускай забирает кадр. Твоя задача — прибыть целым и невредимым и вернуться в том же виде, не отвлекаясь на постороннюю ерунду.

Сун Чэн молча поднял руку.

Учитель Цинь бросил на него взгляд и сдержанно кивнул:

— Говори.

— А что значит перетянуть внимание на себя? — поинтересовался Сун Чэн.

Цинь Унянь на секунду замолчал:

— Это когда кто-то намеренно красуется перед камерой. Оператор снимает тебя, а другой человек нарочно врывается в кадр, лезет вперёд с разговорами, превращая твои законные минуты эфира в свои.

— А... понятно, — кивнул Сун Чэн.

— Для тебя это не самый худший исход, пусть себе забирают.

Сун Чэн послушно кивнул:

— Я понял.

Видя такую покорность, Цинь Унянь по привычке хотел было погладить его по голове, но вовремя осекся. Помолчав немного, он молча отвернулся и уставился в оконное стекло.

Сун Чэн ничего не заметил — он был полностью занят повторением только что усвоенных уроков от учителя Цинь.

Сегодняшний сценарий разослали ещё вчера: режиссёр создал общий чат, куда добавил всех участников и ключевой персонал. План на первый день съёмок был предельно прост: прибытие

на место, появление перед камерами, взаимные представления, непринуждённая беседа для создания атмосферы, после чего появлялся режиссёр и оглашал правила нового этапа.

Сразу после оглашения правил участникам предстояло разойтись по комнатам на обед, затем последовать короткий дневной сон, а во второй половине дня — запись индивидуальных интервью лицом к лицу. Съёмки велись по парам: пока одна пара общалась с интервьюером, остальные наблюдали со стороны.

На этом программа первого дня исчерпывалась. Изучая расписание, Сун Чэн искренне недоумевал:

— Неужели из этого и правда можно смонтировать целых восемнадцать серий?

Цинь Унянь бросил на наивного Сун Чэня взгляд:

— С теми персонажами, которых отобрал режиссёр, тут и на все восемьдесят серий скандалов наскребётся.

Сун Чэн: «.....»

Ты случаем не забыл, что мы с тобой — такие же приглашённые участники.

Снова оказавшись на главной съёмочной площадке, они обнаружили, что временный павильон демонтирован, а декорации и реквизит аккуратно убраны. С первого взгляда всё выглядело как совершенно обыкновенная зона отдыха.

Цинь Унянь и Сун Чэн прибыли в восемь сорок. На месте уже кое-кого ожидали: пара «супругов» и пара «незабываемая любовь».

Последнее название Сун Чэн придумал про себя — делать было нечего, имена этих людей напрочь отказывались задерживаться в его памяти, ни единого он так и не запомнил. Зато те жуткие перипетии чужих судеб, которые ему усердно пересказывал Цинь Унянь, отпечатались в голове намертво.

Основной сценарий режиссёр скинул в общий чат, а вот личные задачи каждому рассылал в личных сообщениях. Сун Чэн понятия не имел, какие задания получили остальные на сегодня, но его собственная роль сводилась к образу застенчивого новичка, призванного наладить хорошие отношения с бывшим киноапрем из пары «супругов» Лю Яньчу, а при взаимодействии с Цинь Унянем — всячески подчёркивать неловкость.

Задачей же самого Цинь Уняня было оставаться собой: холодно появиться, проявлять заботу о Сун Чэне, но при этом держаться отстранённо.

Едва ступив во двор, Сун Чэн заметил несколько направленных на них объективов. У него тут же проявилась старая привычка каменеть под прицелом камер. Напомнив себе совет Цинь Уняня не смотреть на камеры, а концентрироваться исключительно на людях, Сун Чэн собрался с духом и перевёл взгляд на парочку «супругов» неподалёку.

В основном его внимание привлекал Лю Яньчу — в конце концов, режиссёр велел ему сблизиться именно с ним.

Лю Яньчу в свои тридцать семь лет был самым старшим среди участников. Он обладал статусом киноапреля — впрочем, как и Цинь Унянь, — но стаж Лю Яньчу уходил далеко в прошлое, да и народная любовь к нему была всенародной. Когда другие разводились со скандалами и взаимной грязью, заявление о его разрыве заставило всю страну в едином порыве оплакивать крушение идеалов любви.

Впрочем, Лю Яньчу никогда особенно не выставлял напоказ свои чувства. Судя по тем крупным данным информации, которые Сун Чэн судорожно заучивал последние дни, Лю Яньчу и Лю Жосы сошлись на съёмочной площадке. Оба учились в киноакадемии и познакомились ещё до получения дипломов, а после выпуска вместе снялись в полнометражном фильме. На тот момент Лю Жосы была куда известнее: она играла главную роль, тогда как Лю Яньчу достался лишь образ второго плана. Впрочем, бурного романа на съёмках не случилось — они начали встречаться лишь год спустя.

Затем последовал восьмилетний марафон романтических отношений, и в тридцать два года он женился на Лю Жосы. Пусть они никогда не афишировали свою личную жизнь, одного факта того, что они тихо и мирно были вместе восемь лет без единого намёка на скандалы, хватало зрителям, чтобы растаять от умиления. Однако, точно так же, как в своё время они сухо объявили о свадьбе, спустя два года последовало столь же лаконичное заявление о разводе. Никаких причин, никаких публичных разборок — чистый, цивилизованный разрыв, заставивший всю страну гадать: что же, чёрт возьми, стало причиной???

Этот же вопрос Сун Чэн с радостью задал бы и себе: ему тоже отчаянно хотелось узнать, из-за чего именно он в своё время развёлся с Цинь Унянем.

Лю Яньчу, как и Сун Чэн, прибыл лишь с одним чемоданом на колесиках. Одной рукой он придерживал багаж и до этого о чём-то беседовал с певцом из пары «незабываемая любовь». Лю Жосы же привезла с собой два чемодана — большой и маленький, — но держалась от Лю Яньчу на почтительном расстоянии. Заметив входящих Цинь Уняня и Сун Чэня, она с улыбкой окликнула Цинь Уняня:

— А я уж думала, ты явишься в последнюю секунду.

Цинь Унянь, уже пересекавшийся с Лю Жосы по работе, катил свой чемодан вперед и сухо ответил:

— Я-то планировал, да вот кое-кто был против.

Услышав это, Лю Жосы перевела взгляд на Сун Чэня. Не успела она ничего сказать, как к ним приблизилась парочка из пары «незабываемая любовь». Один из них излучал такую жизнерадостность, что казалось, будто она льется из него через край. Широко улыбнувшись, он воскликнул:

— О, учитель Цинь! И Сун Чэн! Моя лента рекомендаций в телефоне последние дни только вами и забита. Давайте знакомиться, я Су Юй! Можно подписаться на мою трансляцию?

Его спутник, выглядевший куда более сдержанным и холодным, недовольно оборвал его:

— Мы вообще-то на съёмки пришли, может, прекратишь пиарить свой стрим?

— Ты что, шуток не понимаешь? — парировал Су Юй. — Слава богу, мы с тобой разошлись, иначе этим летом мой кондиционер остался бы без работы.

Су Юй обладал невероятно живой мимикой и запоминающимся голосом; стоило ему появиться, как атмосфера, до того вялая, мгновенно ожила. Лю Яньчу шёл чуть позади, но, добравшись до всеобщего скопления, Сун Чэн заметил, как тот обошёл Лю Жосы и лишь после этого поздоровался с ними обоими.

Судя по лицу, Лю Яньчу никак нельзя было дать тридцать семь лет — внешне он выглядел ровесником Цинь Уняня. Не притворяясь особо, Сун Чэн одарил Лю Яньчу застенчивой улыбкой, и тот улыбнулся в ответ.

Цинь Унянь прекрасно помнил сценарий Сун Чэня и в теории понимал всю условность происходящего, но от зрелища того, как глаза Сун Чэня прилипли к Лю Яньчу и излучают столько внимания, у него внутри всё закипало от раздражения.

Сделав пару шагов вперед, Цинь Унянь ненавязчиво заслонил собой Сун Чэня, перекрывая ему обзор на Лю Яньчу. Сун Чэн, однако, послушно сместился вбок, продолжая разглядывать киноапреля.

Цинь Унянь: «.....»

Чёрт побери, даже если это шоу о расставаниях, имей совесть!

Твой бывший парень вообще-то я!

<http://bllate.org/book/22052/2293155>